

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182266-274>

Мусаев Махач Абдулаевич

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

mahachmus@gmail.com

Магомедов Мурад Газиевич

независимый исследователь, Махачкала, Россия

dnc.murad@mail.ru

ДАТИРОВКА НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СТЕЛ КЛАДБИЩА ПОСЕЛЕНИЯ СУЛЕВКЕНТ)

Аннотация. Специалисты, изучающие дагестанские намогильные памятники, при отсутствии конкретной даты на самом надгробии или невозможности определить ее по содержанию надписи или анализу текстов, используют несколько методов датировки по внешним признакам – по особенностям начертания (шрифтов) текстов и по анализу орнаментировки. Ключами к данным способам служат датированные памятники, внимательно изученные и классифицированные. Любой из этих методов применяется зачастую изолированно, первый – эпиграфистами, второй – искусствоведами. Между тем каждый из них имеет свои недостатки, и очевидно, что наибольшей эффективности выполнение задачи датирования достигается при их комплексном применении. Еще одним из способов датировки памятника может служить изучение предметов, изображенных на них, в частности оружия. Подобные исследования на дагестанском материале не проводились. В качестве образца использованы намогильные стелы кладбища заброшенного поселения Сулевкент Дахадаевского района, где захоронения производились как минимум с XIV до середины XX в. На четырех намогильных стелах имеются изображения сабель и кинжалов, кремневых пистолетов и ружей, пороховниц и подсумков для газырей, копья и пики. Результаты анализа вооружения позволили прийти к выводу, что памятники относятся ко второй – третьей четвертям XVIII в. Датирующими элементами послужили не только нанесенные на памятники предметы, но и отсутствие определенных элементов вооружения в составе изображений. Если исключить изображения предметов на стелах, то все рассматриваемые образцы памятников могли бы датироваться в очень широких пределах – с XVI по начало XX в. То есть, в определенных случаях, анализ изображенных предметов может служить не дополнением к иным методам уточнения или подтверждения датировки, а единственным его средством. Изучение вооружения, как датирующих элементов намогильных стел, показывает, что имеется необходимость исследования его региональной истории. В подобном изыскании важную роль могут сыграть датированные намогильные камни с изображениями оружия. Учитывая это обстоятельство, перед учеными, проводящими работу по выявлению памятников, становится актуальной постановка задачи по фиксации изображений образцов вооружения.

Ключевые слова: методика исторического исследования; история оружия; камнерезное искусство; датировка надгробия; некрополистика; эпиграфика; Сулевкент; Дагестан.

© Мусаев М.А., Магомедов М.Г., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182266-274>

Makhach A. Musaev

Cand. Sci. (History), Leading Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

mahachmus@gmail.com

Murad G. Magomedov

Independent Researcher, Makhachkala, Russia

dnc.murad@mail.ru

DATING OF TOMBSTONES BY WEAPON IMAGES ON THEM (BASED ON THE STUDY OF STELES OF SULEVKENT CEMETERY)

Abstract. Experts, who examine Dagestan tombstones, in the absence of a specific date on a tombstone itself or the impossibility of determining it by the content of the inscription or the analysis of texts, use several methods of dating by external elements – by the features of the style (fonts) of texts and by analyzing ornamentation. The subjects of these methods are dated monuments, carefully studied and categorized. Any of these methods is often used separately, the first – by epigraphists, the second – by art historians. Meanwhile, each of them has its drawbacks, and it is clear that the most effective implementation of dating is achieved with their combined application. Another method of dating monuments is to study the objects depicted on them, in particular, weapons. Such studies on Dagestan material have not been carried out yet. As a subject, grave steles of the cemetery of the abandoned settlement of Sulevkent in the Dakhadaevsky district were used, where burials were made at least from the 14th to the middle of the 20th century. Four tombstones depicting sabers and daggers, flintlock pistols and guns, powder flasks and pouches for gazys, spears and pikes. The results of the analysis of weapons allowed us to conclude that the monuments belong to the second – third quarters of the 18th century. The dating elements were not only the objects applied to the monuments, but also the absence of certain elements of weapons in the composition of the images. If we exclude images of objects on steles, then all the pieces of monuments under consideration could be dated within a very wide range – from the 16th to the beginning of the 20th century. That is, in certain cases, the analysis of the depicted objects may not serve as an addition to other methods of clarifying or confirming dating, but its only means. The study of weapons as dating elements of tombstones demonstrates that there is a need to study its regional history. In such research, dated tombstones with images of weapons can play an important role. Considering this, it becomes urgent for researchers engaged in identifying monuments to set the task of fixing images of weapon pieces.

Keywords: methods of historical research; history of weapons; stonecutting art; tombstone dating; necropolitics; epigraphy; Sulevkent; Dagestan.

Специалисты, изучающие дагестанские намогильные памятники, при отсутствии конкретной даты на самом надгробии или невозможности определить ее по содержанию надписи или анализу текстов, используют несколько методов датировки по внешним признакам. Самый распространенный из них – это определение времени создания памятника по особенностям начертания (шрифтов) текстов. Также применяется анализ орнаментировки. Ключами к данным способам служат датированные памятники, внимательно изученные и классифицированные. Всякий из этих методов зачастую применяется изолированно, первый – эпиграфистами, второй – искусствоведами. Между тем каждый из них имеет свои недостатки, и очевидно, что наибольшей эффективности выполнение задачи датирования достигается при комплексном применении. Принимая это во внимание, в трудах по изучению намогильных памятников, нами эти методы используются в совокупности, в том числе учитывая формы и степень обработки надгробий, расположение надгробия на кладбище.

Еще одним из способов датировки памятника может служить изучение предметов, изображенных на них, в частности оружия. Подобные исследования на дагестанском материале не проводились, и мы решили применить данный метод на последнем из кладбищ, которое изучили в процессе ежегодных эпитафических экспедиций. Оно находится в Дахадаевском районе Дагестана в заброшенном поселении Сулевкент (в оригинале Сулевка), расположенном в глубоком ущелье на левом берегу р. Кинтуракотты под Амузги и Кубачи, известными центрами изготовления оружия. На противоположной стороне реки находится несколько полуразрушенных зданий и местное кладбище (координаты: 42°04'21.1»N 47°37'24.9»E). Из историографии известно лишь об одном памятнике поселения [1, с. 84–85]¹. Следует отметить, что на всем сулевкентском кладбище можно обнаружить лишь считанные единицы профессионально изготовленных стел, а точнее три. Все они относятся к уцмийскому стилю, и, видимо, изготовлены приглашенными мастерами. Остальные же стелы кладбища, кроме вышеуказанных, достаточно примитивны в своем исполнении и орнаментике. Очень мало стел, на которых встречаются надписи, соответственно, имеющих указание на время их создания.

Среди множества памятников, свидетельствующих о том, что кладбище использовалось как минимум с XIV в. до середины XX в. мы обнаружили четыре стелы с изображением оружия. Все они не датированы.

А) Вертикальная плоская плита с примитивной орнаментикой. Внизу нанесены изображения сабли, кремниевых пистолета и ружья (рис. А). Выше имеется врезная надпись: ... زذ باك خ ج ...

Данную надпись можно прочесть по буквам «З.З.Б.К. Х.Дж» и интерпретировать как имя *Зазабек-хаж*(?).

1 Л.И. Лавров, не побывавший на месте и использовавший фотографию, прочитал надпись как «Обладатель этого Лаказ б. Сулейман. 666 год». Данная стела нами не обнаружена, в то же время мы ставим под сомнение данное чтение, прежде всего по той причине, что дата указана цифрами, что весьма нехарактерно для памятников, датирующихся XIII в., а конкретнее 1267–68 г.

Б) Вертикальный памятник с простейшей орнаментикой. Мастер осуществил попытку придать стеле форму, характерную для уцмийского стиля, и изобразить центральную розетку. На нижнюю половину нанесены изображения копья, сабли лезвием вниз, кремниевых ружья и пистолета, пороховницы, кинжала и подсумка для газырей (рис. Б).

Имеется врезная эпитафия на арабском языке:

صاحب هذا القبر قربان بن يوسف غفر الله لهما و لجميع (...)

Перевод:

Хозяин этой могилы Курбан, сын Йусуфа, да простит им Аллах и всем [мусульманам].

В) Сохранившаяся нижняя часть вертикальной стелы (рис. В). На ней, просто-вато оформленной, имеются остатки врезных надписей, а также изображения кремниевых ружья и пистолета, сабли лезвием вверх, подсумка для газырей, пороховницы и пики. Справа от пики изображены два неидентифицированных нами элемента, возможно, это не предметы, а декор.

Г) Вертикальная плита с заостренным верхом. Надписи отсутствуют, а орнаментика примитивна (рис. Г). На стеле имеются изображения кремниевых ружья и пистолета, сабли, пороховницы, подсумка для газырей. Просматривается изображение кинжала, но его профиль едва различим. Отличие от предыдущих стел в изображении оружия заключается только в том, что ствол ружья передан не одной врезной полосой, а двумя, также отсутствует спусковая скоба.

К отмеченному выше следует присовокупить, что все изображения врезные, а на памятнике **А** оружие направлено в правую сторону, в отличие от всех других. Также следует указать, что стелы **Б** и **В** очевидно изготовлены одной рукой.

Интересно, что все четыре памятника расположены недалеко друг от друга. При этом практика показывает, что зачастую в один и тот же период захоронения производятся на одном и том же участке кладбища.

Не лишним будет указать, что на этом же участке имеется еще один заслуживающий внимание образец (**Д**). На нем изображены ножницы и ковер² (рис. Д), что свидетельствует о том, что вероятно погребенная занималась ковроткачеством. На данном памятнике, верху которого придано закругление, имеются надписи:

صاحب هذا (القبر) فاطم (в верхней части стелы)

فاطم بن(ت) عط (?) (в нижней части стелы)

Надписи, нанесенные с орфографическими и стилистическими ошибками, переводятся, соответственно, как «Хозяин этой могилы Фатима» и «Фатима, дочь 'Ата (?)».

На всех рассматриваемых стелах (А, Б, В, Г) встречаются изображения кремниевых пистолетов и ружей. Они схематичные, но достаточно подробные и позволяющие получить представление о строении спусковых механизмов, типах замков, строении лож и общих пропорций оружия. Период широко-

2 Также на стеле имеются изображения двух не идентифицированных предметов.

го распространения подобных образцов продлился вплоть до 80-х гг. XIX в. В дальнейшем данное оружие приобрело функционал декоративного.

На памятниках также встречаются изображения патронташей (газырниц) в виде подсумков для ношения на ремне через плечо. Такой тип бытования газырниц отмечается вплоть до 50-х гг. XIX в., когда газыри в Дагестане стали массово носить на груди. Детальное изображение данного предмета можно увидеть на рисунке В.Ф. Тимма, сделанном с натуры в 1849 г. [2, с. 280, 282–283]. Он же демонстрирует не завершившийся переход от одного способа ношения газырей к другому, поскольку на этом же рисунке присутствует воин с газырями на груди.

Пороховницы можно наблюдать на трех стелах. Они массивны и предназначены для ношения на ремне через плечо. По геометрии их можно отнести к более ранним образцам. При этом следует учитывать, что, возможно, некоторые элементы пороховницы не изображены, поскольку резьба по камню схематичная.

Как мы видим из описания содержащихся на памятниках огнестрельного оружия и их атрибутов, верхняя дата памятников может быть установлена в пределах середины XIX в. Нижняя же дата определяется началом широкого бытования огнестрельного оружия в регионе. Сложность в том, что исследования по данной проблематике отсутствуют. Чтобы иметь определенное представление об этом необходимо привести несколько примеров.

Невдалеке от Сулевкента на кладбище уцмиев в Кала-Корейше имеется надгробие с изображением оружия. Памятник датирован 1005 г. хиджры, что соответствует 1596/97 г. На плите не встречается изображение огнестрельного оружия [3, с. 37–38]. Учитывая, что в могиле захоронен представитель правящей династии, соответственно обладавший возможностью приобретения оно-го, есть соблазн полагать, что в конце XVI в. в Дагестане огнестрельное оружие не использовалось. Но в данном случае следует учитывать, что изображение в большей степени могло быть данью традиции, нежели отражением реалий. На эту мысль наталкивает тот факт, что известна во многом идентичная стела со схожим сюжетом, расположенная в сотнях километрах к югу, на Апшеронском полуострове, датированная 1020 г. хиджры (1611/12 г.) [4, с. 74, рис. 181]. Об этом также могут свидетельствовать памятники с того же кладбища уцмиев в Кала-Корейше. Там, на двух намогильных камнях имеются идентичные изображения с колчанами и стрелами, огнестрельного же оружия не имеется, при этом стелы датируются первой половиной XVIII в. [5, с. 264–265], когда огнестрельное оружие в регионе широко применялось.

К рубежу XVII–XVIII вв. относится сообщение голландского географа Н. Витсена, что в Дагестане, в частности в Тарки, еще использовали лук и стрелы [6, с. 24]. При этом И.-Г. Гербер, обстоятельно изучивший Дагестан в 20-х гг. XVIII в., относительно того же Тарки указывает, что местные жители «все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцерях; луков и стрел мало употребляют». Он же оставил наиболее системное описание вооружения дагестанцев. Из него следует, что все вооружены огнестрельным оружием, лук и стрелы употребляют крайне редко. Лишь относительно ногай-

цев, кочевавших в районе Сулака, и горных табасаранцев, отмечено, что огнестрельного оружия они не имеют. Также сообщается об относительно широком использовании неогнестрельного (метательного) оружия в горах Дагестана, а также Эндирее и Аксае. Относительно той части Дагестана, где расположен Сулевкент, И.-Г. Гербер сообщает следующее: «Хайтаки и Карахайтаки ... – люди воинские, доброконные и храбры, употребляют все огненное оружие и добрыя сабли» [7, с. 69, 71, 74–75, 77, 83, 86, 104, 112, 114.]. Под «все» следует понимать так, что ими применялись в том числе и пушки.

В.Г. Гаджиев, глубоко проанализировавший сообщение И.Г. Гербера, отмечает, что «имеющийся фактический материал убедительно показывает, что огнестрельное оружие – пищали русского производства – в Дагестане, в том числе и Кайтаге, употреблялись с XVI в.» [8, с. 121]. Однако исследователь не приводит конкретных источников, позволивших ему сделать подобный вывод. Отметим лишь, что из одного из документов следует, что один из кайтагских беков к 1635 г. обладал несколькими пищалями [9, с. 131].

Таким образом, мы можем отметить, что если исходить из анализа огнестрельного оружия, рассматриваемые сулевкентские памятники датируются в пределах XVIII в. При этом нижняя дата определяется отсутствием изображения лука и стрел на стелах.

Среди изображений дважды встречаются кинжалы. Одно из изображений не четкое, но при этом позволяет увидеть, что он имеет ярко выраженную клиновидную форму (близкую к строгому клину). На втором памятнике изображение клинка более информативное. Кинжал массивный, с широким клиновидным лезвием (близким к строгому клину). Строй клинка позволяет отнести его к периоду не позднее конца XVIII в. Вывод основан на том, что датированные и датируемые кинжалы указанного типа клиновидной формы не встречаются в регионе в XIX в.

На трех стелах можно увидеть сабли. Все они большой кривизны, с крупными крестообразными гардами, имеющими расширения на концах, и с навершиями, изогнутыми в сторону лезвия. То есть сабли представляют собой классические образцы «восточного типа», или «шамшира». Подобное оружие бытовало в регионе вплоть до начала XX в. Однако, следует отметить, что широкое распространение этот тип холодного оружия получил в Дагестане до последней трети XVIII в. С этого времени началось их вытеснение более легким видом длинноклинкового оружия – шашкой. Учитывая, что на стелах есть три изображения сабли, но ни одного изображения шашки, то можно предположить, что время бытования шашки к моменту создания стелы еще не наступило.

На одной из стел имеется изображение копья, на другой – пики. Отличия между ними в следующем: на конце древка пики имеется круглое навершие или упор, и форма боевого наконечника узкая клиновидная, вероятно, граненая; у копья – наконечник широкий и листовидной формы, а упор отсутствует.

Нам мало известно об использовании пик и копий дагестанцами в боях. Из документов, исследованных нами, удалось лишь выявить, что пики применялись

войсками Надир-шаха в битвах в Дагестане в 1741-43 гг. В частности, в 1742 г. в одном из сражений воины из племени бахтиаров принесли своему полководцу две сотни голов убитых ими акушинцев, насаженных на пики³. Исходя из этого описания боя, мы можем допустить, что, возможно, дагестанцы использовали пики в XVIII в., как и их противники. При этом в среде знатоков вооружения бытует мнение, что пики не имели распространения в регионе, поскольку опытный воин, вооруженный саблей, имел преимущество в бою. Кроме того, нам известно множество описаний боевых действий с участием дагестанцев начала XIX в. и мы не встречали упоминания о применении ими пик и копий.

Если суммировать результаты анализа вооружения, изображенного на стелах, то можно прийти к выводу, что памятники относятся ко второй – третьей четвертям XVIII в. Датирующими элементами служит не только то, что изображено на памятниках, но и то, что отсутствует. В данном случае нет луков со стрелами и шашек. Первые, по всей видимости, практически вышли из употребления к середине XVIII в., а вторые начали употребляться незадолго до начала XIX в. В то же время наличие пики и копья позволяет уточнить верхнюю дату памятников в пределах конца третьей четверти XVIII в.

В погребальной культуре Дагестана имеются примеры того, что мастер, нанося изображения на стелу, пытался охарактеризовать захороненного. На этом же сулевкентском кладбище имеется плита, на которой изображены ковер и ножницы, отсылающие нас к тому, что погребенная была ковровщицей. В данном случае определенно стелы должны были продемонстрировать, что в этом месте лежат воины. Допустимой была бы специализация захороненных как охотников, если бы не было изображений сабли и пистолета – элементов вооружения, явно лишние на охоте.

Учитывая, что погребенные воины и захоронения относятся к середине XVIII в., то есть вероятность того, что они пали в сражениях с войсками Надир-шаха в пределах лета 1741 – конца 1742 г.

Если исключить изображения предметов на стелах, то все рассматриваемые нами образцы, учитывая содержание имеющихся надписей, способов их нанесения, форму и степень обработки памятников, а также их орнаментику в привязке к общей характеристике всего некрополя, могли бы датироваться в очень широких пределах – с XVI по начало XX в. То есть, в определенных случаях, анализ изображенных предметов может служить не дополнением к иным методам уточнения или подтверждения датировки, а единственным его средством.

Изучение вооружения, как датирующих элементов намогильных стел, показывает, что имеется необходимость исследования его региональной истории. В подобном изыскании важную роль могут сыграть датированные намогильные камни с изображениями оружия. Учитывая это обстоятельство, перед учеными эпиграфистами и искусствоведами, проводящими работу по выявлению памятников, становится актуальной постановка задачи по фиксации изображений образцов вооружения.

³ Реляция Братищева (август 1742 г.) // Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 251-252.

Рис. А

Рис. Б

Рис. В

Рис. Г

Рис. Д

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966. 300 с.

2. Полчаева Ф.А. Использование визуальных источников и историческом исследовании (на примере иллюстраций В. Ф. Тимма) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 3. 2019. С. 376–389.

3. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: МавраевЪ, 2019. 180 с.: ил.

4. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века. Баку: Элм, 1991. 248 с.

5. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфические диски и рельефы всадников с надмогильных стел фамильного кладбища кайтагских правителей // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. №2. С. 259–281.

6. Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 12–25.

7. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 60–120.

8. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курою находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 271 с.

9. №58. 1635 г. сентября 20. – Две челобитные царю Михаилу Федоровичу кайтагского посла Бадархана о возвращении ему денег и пищалей, взятых жителем г. Терки, и о разрешении купить в Астрахани ясырей // Русско-дагестанские отношения XVII–первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. С. 131–132.

1. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the X-XVII centuries [Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Част' 1. Надписи X–XVII вв.]*. Texts, translations, comments, introduction and applications by L. I. Lavrov. Moscow, 1966. (In Russ.)

2. Polchaeva FA. The use of visual sources in historical research (on the example of V.F. Timm's illustrations). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2009, 15(3): 376–389. (In Russ.)

3. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. *Epigraphy of the Utsmi necropolis in Qala-Qureish [Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше]*. Makhachkala: Mavraev, 2019. (In Russ.)

4. Neimat MS. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. Vol. I: Arabic-Persian-Turkic inscriptions of Baku and Absheron XI – early XX century [Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века]*. Baku: Elm, 1991. (in Russ.)

5. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Epigraphic disks and horsemen reliefs on the stelae from the family cemetery of Kaitag rulers. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(2): 259–281.

6. Lavrov LI. Tarki until the 18th century [Tarki do XVIII veka]. *Proceedings of the Institute of History, Language and Literature*. Vol. IV. Makhachkala, 1958:12–25. (In Russ.)

7. Herber J.-G. Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728. [Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan XVIII – XIX centuries. Archival materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958:60–120. (In Russ.)

8. Gadzhiev VG. *The work of J. Herber "Description of the countries and peoples between Astrakhan and the Kura River" as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов mezhdya Astrakhan'yu i rekoju Kuroyu nakhodyashchikhsya» kak istoricheskiy istochnik po istorii narodov Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)

9. No. 58. September 20, 1635. – Two petitions to Tsar Mikhail Fedorovich from the Kaitag ambassador Badarkhan for the return of money and harquebus taken by a resident of the city of Terka, and for permission to buy yasys in Astrakhan. [№58. 1635 g. sentyabrya 20. – Dve chelobitnye tsaryu Mikhailu Fedorovichu kaytagского посла Badarkhana o vozvrashchenii emu deneg i pishchaley, vzyatykh zhitelem g. Terki, i o razreshenii kupit' v Astrakhani yasyrey] *Russian-Dagestan relations of the 17th – first quarter of the 18th centuries. (Documents and materials) [Русско-дагестанские отношения XVII–первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы)]*. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1958:131–132.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022 г.